

Среди четверых братьев и сестер семьи Чжу наиболее бурная судьба досталась второй сестре — Чжу Мэйцзюань. Семья их происходила из маленького городка под городом Цанлун, и за родителями не стояло никакой влиятельной родни. Мэйцзюань и старшая сестра, Мэйфэн, покинули дом, даже не окончив среднюю школу, чтобы пойти на заработки. Лишь Мэйсинь и младшему брату, Цзяньшоу, удалось получить полное среднее образование.

В тот год, когда Чжу Цзяньшоу распределили на судостроительный завод, Мэйцзюань работала официанткой в ночном клубе. На тот момент Чжу Цзяньшоу был единственным в семье, кто имел стабильную работу, однако сестры никогда не просили у него помощи.

Мэйцзюань была красавицей — решительной, острой на язык и удивительно хваткой. Самостоятельно выучив два иностранных языка, она быстро выделилась среди персонала и стала администратором. Спустя несколько лет на неё обратил внимание владелец клуба, человек по прозвищу Господин Хао. Он сделал её своей правой рукой и ввёл в курс дел, далёких от ресторанного бизнеса.

Хао был местным авторитетом в Цанлуэ, настоящим «хозяином города». В те годы в регионе царил разгул преступности, и едва ли хоть одна сделка Хао была чистой. Чжу Мэйцзюань отвечала за два направления: торговлю алкоголем и внешнеэкономические связи. Проценты, которые она получала от прибыли Хао, были колоссальными. Разбогатец, женщина попыталась подтянуть к себе сестер. Старшая, Мэйфэн, к тому времени уже вела собственный швейный бизнес и, хоть дела шли не слишком гладко, на предложение сестры не ответила. А вот у Мэйсинь выбора не было — учёба не задалась, идти было некуда, и она пристроилась к сестре на побегушки.

Когда в Цанлуэ началась масштабная кампания по борьбе с организованной преступностью, Господин Хао и его окружение угодили за решётку. Чжу Мэйцзюань, как ключевую фигуру в его иерархии, тоже арестовали. Хао, на счету которого были не только наркотики, но и как минимум пять убийств, приговорили к смерти. Что касается Мэйцзюань, следствие не нашло доказательств её причастности к убийствам или наркоторговле. Она получила три года тюрьмы за соучастие в контрабанде. Чжу Мэйсинь же, проходившую по делу как неосведомлённая сотрудница, вскоре выпустили из следственного изолятора.

Выйдя на свободу, Мэйцзюань мастерски распорядилась связями, накопленными во времена Хао. Она вернулась к торговле алкоголем и внешнеэкономической деятельности, но теперь её бизнес стал полностью легальным. Цанлун стремительно менялся, социальный климат очистился, и Мэйцзюань, женщина, прошедшая через огонь и воду, быстро поймала попутный ветер. Вчерашняя заключённая превратилась в образцовую предпринимательницу.

Полиция Цанлуэ, разумеется, ещё долго присматривала за ней, но Мэйцзюань исправно платила налоги, не возила контрабанду и активно занялась благотворительностью. Она не скрывала ошибок молодости, используя свой опыт, чтобы предостеречь молодёжь от кривых дорожек. Со стороны казалось, что она полностью переродилась.

Её муж, Вэй Цзинь, тоже был личностью незаурядной. Он был моложе жены. В те времена, когда Мэйцзюань ещё работала на Хао, он занимался тем, что называл «подработкой во время учёбы» в ночном клубе. На деле же эта подработка заключалась в том, что он был «жиголо» для богатых дам. То, что он получил эту работу, говорило о многом: в юности Вэй Цзинь был либо невероятно красив, либо умел виртуозно очаровывать клиентов. По мнению Мэйцзюань, в нём сочеталось и то, и другое.

Пока Хао и Мэйцзюань отбывали сроки, Вэй Цзинь оставался на плаву. Он окончил университет и устроился репортёром на местное телевидение. Когда Мэйцзюань вышла на свободу, их чувства вспыхнули с новой силой, и вскоре они поженились. Роды Вэй Яхуа едва не стоили женщине жизни, и больше детей у них не было. Девочка стала их единственным сокровищем.

Как показало время, Вэй Цзинь и Чжу Мэйцзюань были сделаны из одного теста: гибкий ум и неуёмная амбициозность. Пока Мэйцзюань тянула семью вверх по социальной лестнице, Вэй Цзинь прошёл путь от рядового корреспондента до продюсера новостей. Ещё шаг — и он занял бы кресло директора телеканала.

Однако три года назад Мэйцзюань скончалась от рака. Вэй Цзинь внезапно потерял интерес к карьере, уволился и занялся делами компании покойной жены. Казалось, жизнь вошла в мирное русло, но в ноябре прошлого года Вэй Яхуа бесследно исчезла. Вэй Цзинь не стал заявлять в полицию. Лишь несколько дней назад, когда тревогу забила Чжу Мэйсинь, началось официальное расследование. К сожалению, время было упущено, и сейчас, спустя столько месяцев, поиски зашли в тупик.

Этим заявителем из семьи Чжу оказалась именно Мэйсинь.

Выслушав отчёт из Цанлуна, Е Бо уже собирался вешать трубку, как вдруг заметил, что Юэ Цянь делает ему знаки.

— Капитан Чэн, подождите минуту, у моего коллеги есть вопрос, — Е Бо передал телефон Юэ Цяню.

— Капитан Чэн, здравствуйте. Хотел кое-что уточнить, — начал следователь. — Хэ Ли, муж Чжу Мэйфэн, раньше служил в полиции Цанлуна. Не могли бы вы узнать, чем именно он занимался? Были ли какие-то инциденты перед его увольнением?

На том конце провода возникла пауза.

— Хэ Ли? Не припомню такого. Наведу справки и перезвоню.

— Спасибо, будем ждать.

Юэ Цянь вернул телефон начальнику. Е Бо, задумчиво глядя в свой блокнот, погрузился в молчание. Сведения из Цанлуна давали лишь общий фон. Криминальное прошлое Мэйцзюань — дела давно минувших дней. В те годы в Цанлуне многие предприниматели первой волны имели связи с криминалитетом; случай Мэйцзюань не был чем-то исключительным. Её смерть не вызвала подозрений, а то, что муж возглавил компанию — шаг вполне логичный. Но исчезновение Яхуа выбивалось из этой картины. Почему Вэй Цзинь молчал столько месяцев? Почему пришлось ждать вмешательства Чжу Мэйсинь?

Юэ Цянь подошёл к доске с уликами, чертя новые связи. Е Бо взглянул на переплетение линий.

— Считаешь, что исчезновение Вэй Яхуа и смерть Чжу Цзяньшоу как-то связаны?

Юэ Цянь нахмурился и спустя несколько секунд ответил:

— Не уверен. Я чувствую здесь какое-то противоречие.

— В чём именно?

— Если опираться на факты, то все ниточки ведут к судостроительному заводу. Убийцей должен быть кто-то из той среды. Но за эти дни я пообщался со множеством рабочих и не нашел ни одного весомого мотива. Они выглядят шумными, общительными, но на деле — абсолютно холодны. Даже те, кто пользовался добротой Чжу Цзяньшоу и Мэй Лисянь, относятся к смерти Цзяньшоу с полным безразличием. В них нет того накала эмоций, который толкает человека на убийство.

— А если объединить линии семьи Чжу и завода? — предложил Е Бо.

Юэ Цянь обернулся.

— Точно. Чжу Цзяньшоу и Мэй Лисянь возили группу заводских детей в Цанлун на экскурсию.

Следователь подробно пересказал то, что узнал от А Юй и Гун Сяюнь. Е Бо выслушал его и заключил:

— Нужно тщательно проверить долговые обязательства. Гун Сяюнь долг вернула, но другие могли этого не сделать.

— Мэй Лисянь сейчас в ужасном состоянии, но я попробую поговорить с ней ещё раз, — сказал Юэ Цянь.

— Слушай, — Е Бо задумчиво прищурился, — а мог ли Чжу Цзяньшоу одалживать деньги

втайне от жены?

— Маловероятно.

— Но ведь наличные попадали к нему в руки, — не сдавался капитан. — Он вполне мог оставлять часть себе.

— Деньгами в доме распоряжалась Мэй Лисянь, — пояснил Юэ Цянь. — Насколько я понимаю, в их семье сложилась сложная иерархия. С одной стороны, благосостояние зависело от сестёр Чжу, и Мэй Лисянь занимала подчиненное положение, почти как экономка. Но при этом именно она могла ограничивать траты мужа. Перед сёстрами она не смела поднять головы, но если ей требовалась крупная сумма, Цзяньшоу её поддерживал. Сам же он распоряжался лишь мелкими суммами. Могла ли мелкая кража или долг из этих денег стать причиной его гибели?

Е Бо задумался.

— Резонно. А ту поездку в Цанлун — её тоже инициировала Мэй Лисянь?

— Матери тех детей были её подругами и коллегами. Похоже, именно она была движущей силой. Это доказывает, что дома она не была безвольной тенью.

— Подобное могло произойти только в те времена, на больших предприятиях, — вздохнул Е Бо.

— О чём ты?

— Доверять своих детей коллегам, отпускать их так далеко за одни лишь билеты на поезд... — пояснил капитан. — Сейчас такая близость между людьми кажется почти невозможной.

Юэ Цянь кивнул. Сложно представить, как родители вроде Гун Сяюнь не боялись отпускать детей на полмесяца в другой город. С другой стороны — сами Мэй Лисянь и Чжу Цзяньшоу. Они не только не заработали на этом, но и прилично потратились, не имея никаких гарантий. Любая случайность в пути — и как бы они оправдывались?

— Мне тут пришла в голову одна мысль, — Е Бо оживленно добавил новую карточку на стену. — Эти дети наверняка видели сестёр Чжу. А могли ли они видеть исчезнувшую Вэй Яхуа? Так мы получим круг лиц, связанных и с Чжу Цзяньшоу, и с линией в Цанлуне.

Не дожидаясь ответа, Е Бо начал раздавать поручения: одним — проверить всех рабочих на наличие долгов перед покойным, другим — разыскать тех самых детей из поездки.

— Я навещу Чжу Мэйсинь, — вызвался Юэ Цянь. — Она сама обратилась в полицию, хочу понять, что у неё на уме.

Снова сгустились сумерки, и поминальное шоу началось вновь. Чжу Мэйфэн наняла ещё больше охраны, которая плотным кольцом оцепила шатёр, не подпуская блогеров и интернет-знаменитостей. Но слухи о том, как Чжу Цзяньшоу расправился с собачкой, разлетелись по району и обросли жуткими деталями. Репутация покойного в глазах жильцов пала окончательно. Посмотреть представление не пришёл почти никто из местных; в шатре, создавая видимость толпы, сидели лишь ветераны судостроительного завода. И хотя в их глазах не было скорби, в этот вечер проводить Чжу Цзяньшоу, кроме родни, пришли только они.

В толпе Юэ Цянь снова заметил А Юй. Девушка откровенно скучала, перебрасываясь костями маджонга со Старшей сестрой Гу. Гун Сяюнь, видимо, уже ушла домой.

На сцене загремела поп-музыка. Юэ Цянь поднял взгляд: вышел Инь Мо. На этот раз он обошёлся без женских нарядов — белый костюм, уложенные волосы, вид — словно у молодого щеголя из пригорода.

Юэ Цянь невольно поморщился.

«Слишком уж слащаво и масляно».

Но старики вокруг зааплодировали и подхватили старые шлягеры тридцатилетней давности.

«Что ж, — подумал следователь, — ты мастерски подбираешь репертуар под аудиторию, потекаешь их вкусам».

Инь Мо спел пять песен подряд. Поначалу Юэ Цянь слушал со скепсисом, но в какой-то момент поймал себя на том, что тихонько напевает мотив. Он думал, что Инь Мо его не видит, но тот, едва Юэ Цянь открыл рот, уставился прямо на него, улыбаясь так лучезарно и проникновенно, словно они исполняли любовный дуэт.

Юэ Цянь мгновенно замолчал, чувствуя, как неловкость накрывает его с головой.

Начался комедийный номер, и Инь Мо поспешил за кулисы. Юэ Цянь, не застав Чжу Мэйсинь в зале, решил перекинуться парой слов с «артистом» и направился за ним, стараясь сохранять невозмутимый вид.

За перегородкой кулис Юэ Цянь едва не столкнулся с кем-то грудью в грудь. Просьба извиниться застряла в горле — перед ним стоял Инь Мо.

— Ты нарочно здесь притаился? — проворчал следователь. — Чего стоишь как истукан?

Идеально зачёсанные волосы Инь Мо немного растрепались, и теперь он выглядел чуть более естественно.

— Ну, и как я тебе? Хорошо пел?

Юэ Цянь не собирался ему льстить:

— Так себе.

— Раз так себе, зачем тогда подпевал?

«Значит, и правда видел...»

— Как продвигается дело? — Инь Мо извлёк из кармана белого пиджака горсть семечек и, принявшись щёлкать их, протянул ладонь Юэ Цяню.

На поминках этого добра было в избытке. Юэ Цянь взял щепотку.

— Предупреждаю: не суй нос не в свои дела.

— Жаль, — разочарованно протянул Инь Мо. — Я-то думал поделиться зацепкой, но раз тебе не нужно...

Этот человек был хитёр и полон уловок, но Юэ Цянь столько лет заправлял делами в Отделе по расследованию тяжких преступлений, что умел вовремя сменить гнев на милость. Он преградил Инь Мо путь.

— С чего ты взял, что мне не нужно? Давай свою зацепку.

Инь Мо улыбнулся и протянул ему нечищенный арахис. Следователь замер в замешательстве, а Инь Мо добавил:

— Поможешь мне почистить арахис — тогда скажу.

— Нашёл проблему.

Юэ Цянь одним ловким движением сжал скорлупу, очистил ядрышко от красной кожицы и быстро сунул его Инь Мо в рот. Лишь мгновение спустя он осознал, что, кажется, случайно коснулся кончиками пальцев чужого языка.

«Мягкий».

Инь Мо, явно не ожидавший такой стремительности, на пару секунд замер, а затем, прищурившись, принялся медленно жевать. После чего замолчал.

— Ну? — поторопил его Юэ Цянь.

— ...Забыл, — с самым честным видом ответил Инь Мо.

Юэ Цянь посмотрел на него взглядом «ты издеваешься?» и потянулся за следующей порцией орехов.

— Старшая и Третья сестры Чжу сегодня поссорились, — быстро выпалил Инь Мо, пока его язык снова не подвергся атаке.

Юэ Цянь закинул орех себе в рот.

— Из-за чего?

— Они говорили на диалекте Цанлуна, я не всё понял, — пояснил Инь Мо. — Но я отчётливо слышал слово «полиция». Старшая отчитывала Третью за то, что та слишком много болтает с копами. Больше ничего не разобрал.

Чжу Мэйфэн и Чжу Мэйсинь прошлой ночью возили в управление, но обе не дали никакой информации. Почему же Мэйфэн так ополчилась на сестру? Неужели из-за того заявления об исчезновении Яхуа?

Пока он размышлял, он почувствовал лёгкое прикосновение к своему лбу. Инь Мо не успел вовремя отстранить руку.

— У тебя тут ссадина, — заметил он.

Юэ Цянь отмахнулся:

— Вчера, когда порядок наводили, задели случайно. Ерунда.

Инь Мо нахмурился, о чём-то напряжённо думая. Его взгляд обычно казался рассеянным, лишённым фокуса, но когда он смотрел на человека всерьёз, этот взгляд становился почти осязаемым. Юэ Цянь не первый раз ловил на себе это выражение, и в этот раз почувствовал, как щёки начинают гореть.

— Ну... просто ударился. Кстати, вы вчера нормально добрались? Без происшествий?

Инь Мо поджал губы.

— Если бы.

— Что такое?

— Ты же знал, что те фанатики обзывают меня «пережитком феодализма», и даже не подумал защитить. Они набросились на меня, машину чуть не перевернули.

— Да ладно?

— Я даже в салон заскочить не успел, одежду в клочья изорвали. А я кричал: «Юэ Цянь! Юэ Цянь, спаси меня!» А ты даже головы не повернул, тебе до других дело было.

С каждым словом рассказ становился всё более неправдоподобным. Чувство вины, едва зародившееся в душе следователя, испарилось без следа.

— Хватит заливать. «Одежду изорвали»... Значит, у вашей команды паршивые костюмы, раз они по швам трещат!

Инь Мо весело прищурился:

— Эх, не сработало.

Номер комедиантов подошёл к концу. Появилась Сестра Цин:

— Босс, твой выход.

На поминках больше всего ценились песни и пляски, а Инь Мо был главной звездой, и на сцену выходил чаще остальных. Он подошёл к зеркалу, чтобы поправить грим. Юэ Цянь из любопытства последовал за ним. Инь Мо взял пуховку:

— Может, и тебе личико подкрасим?

Следователь поспешно отступил.

— Обойдусь.

— Ну, ничего, — улыбнулся Инь Мо, — ещё представится случай.

Снова грянула музыка, и «белый щеголь» упорхнул на сцену. В шатре слышались одобрителльные возгласы.

Юэ Цянь заметил Чжу Мэйсинь. Женщина стояла в одиночестве у края шатра, словно погружённая в свои мысли. Ни её молодого спутника, ни дочери рядом не было.

Следователь немедленно направился к ней.

— Госпожа Чжу.

Мэйсинь вздрогнула и, заметив его, инстинктивно попыталась уйти. Но Юэ Цянь заговорил первым:

— У вас разлад со старшей сестрой?

Женщина нахмурилась и смерила его неприязненным взглядом.

— Вы обе заняты похоронами Чжу Цзяньшоу, почему же возникли разногласия? Из-за вчерашнего? — Юэ Цянь намеренно понизил голос. — Или из-за Вэй Яхуа?

Чжу Мэйсинь замерла, её рот невольно приоткрылся от изумления.

— Я угадал? — продолжал следователь. — Ваша племянница исчезла несколько месяцев назад, и никто не подал заявления. Ни отец, ни тётки...

— Мы не бросали её, — резко бросила Мэйсинь.

— Разумеется. Вы искали её сами, используя свои связи и знакомства. Но исчезновение человека — дело серьёзное. Почему вы сразу не обратились в полицию? Почему предпочли действовать в тени?

Мэйсинь отвела взгляд.

— От полиции не всегда есть толк. Вы уже несколько дней расследуете убийство моего брата, и что? Убийца всё ещё на свободе.

Юэ Цянь пропустил шпильку мимо ушей.

— Вы не заявляли в полицию, потому что боялись лишнего внимания к своим делам? Это вам было неудобно или Вэй Цзиню?

Мэйсинь посмотрела на следователя тяжелым, предостерегающим взглядом. Она была закалённым бойцом, прошедшим школу Господина Хао и Мэйцзюань, и сумела выйти сухой из воды в годы «великой чистки» Цанлуна. Несмотря на то, что она была мягче старшей сестры, она привыкла давить на людей своим статусом. Но на Юэ Цяня это не действовало.

— И всё же вы подали заявление. Почему именно сейчас? Наконец поняли, что своими силами её не найти? Или заговорила забота младшей тётки? Но ваш поступок взбесил Мэйфэн. Она обвинила вас в том, что вы всё испортили?

Мэйсинь коротко рассмеялась после недолгого молчания.

— Не драматизируйте. Раз я решилась заявить, значит, мне нечего скрывать от полиции.

Голос Инь Мо со сцены стал еще громче. Юэ Цянь поморщился и кивнул на припаркованную рядом патрульную машину:

— Здесь слишком шумно. Давайте поговорим в салоне.

Когда дверь закрылась, звуки музыки стали глухими и далёкими. Юэ Цянь заговорил первым:

— О ситуации с Яхуа мне рассказал Хэ Ли. Он же упомянул, что никто не обращался в полицию. Рано или поздно мы бы всё равно вышли на этот факт, даже если бы вы все молчали.

При упоминании имени Хэ Ли на лице Мэйсинь промелькнуло презрение. Было очевидно, что она невысокого мнения о зяте.

— Расскажите, что произошло с Вэй Яхуа?

— Если бы я знала, что с ней произошло, разве я пошла бы к вам?

— Тогда сформулирую иначе: она была единственным ребёнком вашей второй сестры. Она исчезла, а вы молчали. Неужели вам было всё равно, жива она или нет?

Мэйсинь смотрела перед собой, явно колеблясь. Она словно оказалась в тупике: сама сделала шаг навстречу полиции, вызвав гнев Мэйфэн и Вэй Цзиня, а теперь, когда следователь протягивал ей руку, не знала, стоит ли за неё хвататься. Вся её жизнь была такой — она никогда не принимала решений сама, её всегда вели за собой старшие сестры.

— Моя вторая сестра... её бизнес когда-то был не совсем чистым, — наконец заговорила Мэйсинь. — Поэтому в нашей семье всегда старались держаться от полиции подальше.

— Но после тюрьмы Мэйцзюань вела безупречный образ жизни, — возразил Юэ Цянь. — Ни одного правонарушения. Неужели старые дела продолжались втайне?

— Я... я не знаю, — замялась женщина.

— Что значит «не знаю»? Вы ведь все эти годы работали на неё.

— Она поручала мне только легальные направления. Так же было и во времена Хао. Какая у неё была изнанка, знала ли об этом Мэйфэн — я не в курсе. Но у меня всегда было нехорошее предчувствие...

Мэйсинь замолчала на несколько секунд. В тишине машины Юэ Цянь почти слышал, как учащённо бьётся её сердце.

— Мне кажется, у неё всё же оставались какие-то скелеты в шкафу, — Мэйсинь глубоко вздохнула. — То, что Вэй Цзинь уволился с телевидения — это первый странный момент. Второй — то, что после исчезновения Яхуа никто не стал заявлять в розыск.

— погодите. Почему увольнение Вэй Цзиня кажется вам подозрительным?

Мэйсинь покачала головой.

— Вэй Цзинь был своего рода витриной для моей сестры. В Цанлуне он был фигурой значимой, мастером острых социальных репортажей. Его программа называлась «Око народа», она разоблачила множество корпораций и чиновников. Он не отступал перед угрозами, народ верил ему, видел в нём символ справедливости. Благодаря его репутации люди начали доверять и моей сестре, забыв о её прошлом. Но Вэй Цзинь — не бизнесмен. Каким бы асом он ни был в журналистике, у него нет хватки, чтобы управлять компанией после смерти Мэйцзюань. И всё же он взял бразды правления в свои руки. Да, обороты немного упали, это неизбежно, но в целом он справляется на удивление неплохо.

На первый взгляд, в этом не было ничего криминального, но Юэ Цянь уловил мысль Мэйсинь: Вэй Цзинь занял это кресло не просто так. Если бы компанию возглавил чужак, некоторые секреты могли бы выплыть наружу.

Мэйсинь всем была обязана сестре и, что бы та ни совершила, в её глазах Мэйцзюань навсегда оставалась лучшей сестрой. Она предпочитала закрывать глаза на странности Вэй Цзиня — до тех пор, пока не исчезла Яхуа.

Мэйцзюань вечно была занята делами, поэтому Яхуа росла вместе с детьми Мэйсинь. Девочка

была маленькой гордой принцессой: богатый дом, любящие родители, готовые исполнить любой каприз, безграничное обожание тёток. Она и сама была талантлива — унаследовала красоту и ум родителей, отлично училась.

Поскольку Мэйсинь долгое время занималась её воспитанием, она любила племянницу как родную дочь. Яхуа увлекалась живописью, и мать открыла для неё галерею. Она жила в своё удовольствие, занимаясь творчеством, и не имела врагов. Благодаря воспитанию она была осторожной, отнюдь не наивной простушкой, которую легко обмануть. Когда она исчезла, первой мыслью Мэйсинь было похищение — месть врагов Мэйцзюань или Вэй Цзиня, ради выкупа. Но Вэй Цзинь вёл себя странно спокойно, твердил, что у него всё под контролем и просил не вмешиваться. Мэйфэн поддержала его, и Мэйсинь оставалось лишь мучительно ждать.

Прошли месяцы, а новостей не было. Терпение Мэйсинь лопнуло, и она, наперекор всем, обратилась к властям.

— Вы правы, — горько усмехнулась Мэйсинь, — мы поссорились с сестрой из-за моего заявления. Она считает, что я влезла не в своё дело и всё испортила.

— Но почему Мэйфэн на стороне Вэй Цзиня? Ей тоже есть что скрывать?

Ответ Мэйсинь был твёрдым:

— Нет. Даже если у меня или у покойной сестры были грехи, Мэйфэн — чиста. Она — самый порядочный и честный человек среди нас троих.

<http://bllate.org/book/15837/1441235>